

*А душа-то уже привыкла
к русской классике...*

В.Я. Курбатов

*За книгой стоит такой же смертный
человек... только еще более сомневающийся.*

*И старающийся помочь сквозь
свои сомнения...*

М.А. Тарковский

*Да, чувство любви к России, слышу,
во мне сильно. Многое, что казалось мне
прежде неприятно и невыносимо, теперь
мне кажется опустившимся в свою
ничтожность и незначительность,
и я дивлюсь, ровный и спокойный, как я мог
их когда-либо принимать близко к сердцу.*

Н.В. Гоголь

*О советъ — впасть в расслабленное,
полусонное состояние; стать полусонным,
отупевшим (о выражении глаз, лица);
сникнуть, оторопеть.*

Толковый словарь русского языка
под ред. Т.Ф. Ефремовой.

Посмотрите, что творится на книжном рынке. Вам станет понятно, что наше представление о том или ином писателе расходится с интересами некоторого искусственного сообщества, занимающегося книгоизданием. Последняя по времени выхода в свет книга Михаила Тарковского «Тойота-креста» (2016) — 2000 экземпляров. Понятно, что это те самые две тысячи, ко-

горые будут расхвачаны, как горячие пирожки. И все же мало! Может, и поэтому меня интересуют, в первую очередь, произведения талантливых писателей, вынужденно ставших малотиражными.

Прочитую в некотором роде антагониста — не только моего, но и Тарковского. Потому что в данном случае нельзя не признать его пусть частичную, но правоту: *«...в России прочен только порядок слов, потому что все остальное можно отобрать, поэтому занятые литературой остаются не только самым престижным занятием в России, но я бы сказал — единственным занятием в России»*. (Д. Быков, «Эхо Москвы», 4.03.2016).

Быков лишь один из примеров того общества, с которым полемизирует Тарковский.

Сюжет повести «Полет совы» более чем прост. В сибирский поселок специально переезжает из города *«тридцатилетний учитель русского языка и литературы Сергей Иванович Скурихин»*. Совсем такой поселок лично я не видел, но посещал сахалинские, якутские, ханты-мансийские прибрежные поселения. Так вот, я их видел, а писатель там живет больше четверти века. И взгляд его на всю эту жизнь — нутряной, а не туристический, умственный. Кровный, коренной взгляд. Мы же отрезаны от пуповины, от земли...

Переезжает герой прочувствовать жизнь без городской суеты и шума, в которой каждый твой шаг и даже, кажется, каждая твоя мысль на виду. Где показать слабинку даже подростку-школьнику невозможно, и не стать почти таким, как все вокруг, нельзя, хотя это и не всегда по плечу, и уж совсем не всегда по изленившемуся в городе телу и вторящей ему душе.

*«Мое решение работать именно в таком месте, кроме желания набраться силы и разгладить душу простором, было вызвано желанием отпиться этим взваром неизблемости, вековечно питавшим нашу литературу»*¹.

Сергей Иванович ведет дневник, в котором осмысливает происходящее с ним. И в нем он не такой, как все. Он — глубже, дотошнее рассуждающий, думающий и действующий: *«От учителя требуются только “показатели”, его никто не проверяет и не запрещает преподавать традиционные для нашего народа ценности. Но таких охотников единицы, и система спокойна: ее сила в том, что большая часть учителей — дети школьного стандарта и телевизора. Они, конечно, скажут: образование нужно. Но не для того, чтобы сделать нашу землю лучше, а чтобы “стать успешными”»*.

Вдруг окажется, что его коллеги — тоже думающие, но «удобно», по шаблону, по разнарядке.

Но можно ли говорить всерьез о тридцатилетнем человеке — учитель? Даже для школьников он пока лишь старший по возрасту, который их чему-то почти ненужному в их жизни (как им кажется) поучает. Но чувствует он себя именно учителем. Поэтому поучает своих старших коллег без оглядки на возраст и долж-

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

Полёт совы

¹ Цитаты без указания автора — из повести М. Тарковского.

в кабинете директора. Но «учительствует» ли он? Скорее — он сам себя в этих разговорах-рассуждениях учит общению, анализу событий, учится высказываться смело и откровенно.

Порадовало то, что герой не только молод, но и не похож ни на одного современного ему тридцатилетнего героя художественной прозы, да и просто современника. Возьмем его коллег — героев других книг. У пермяка Алексея Иванова видим мятущегося человека, абсолютно размазанного действительностью, случайно ставшего педагогом-географом. У вологжанина Дмитрия Ермакова — волевой тренер-самбист, но он еще когда-то усилиями автора вырастет в «Сергея Ивановича» (хотя сам автор параллельной дорогой с Тарковским идет, во многом похоже живет и мыслит). У Сергея Козлова (Кемерово) — сильный духом директор справляется с проблемами в собственной и чужой жизни, не страшится поступка. Но ему далеко за сорок, и его позиция более радикальна. Он мыслит, как директор из бывшей школы Сергея Ивановича, и, словно опережая героя Тарковского (который его мысли выразит), сказал бы те же слова: *«Извините, ребята, вы, как хотите, а я участвовать в убое образования не собираюсь. Да и преподавать постоянное осуждение эпохи, страны, людей по писателю Солженицыну не намерен...»*

С появлением повести «Полет совы» почти сразу появились рецензии Валентины Осаниной и Алексея Шорохова в газете «День литературы».

Шорохов отмечает неожиданность и неудобность повести для всех сторон конфликтующего литературного мира в столицах: патриотам — «потому что Тарковский начинает выдавать врагам наши тайны»; либералам — обидно, потому что уж так они Тарковского опримиалили, что мог бы и не лезть с извечными «русскими вопросами».

«Но для начала надо с собой разобраться. По отношению к столичному духу я крайне русский, что подразумевает, кроме взглядов, еще какой-то покррой, склад, который ни с чем не спутаешь и по которому всегда узнаешь русскую провинцию. Но вот носитель “покроя” попадает в северный поселок. И по отношению к местным выступает двойко и противоположно. С одной стороны, я для них — как для меня москвич. Во мне меньше бытовой народности, и у меня слабее мозольная связь с землей. При этом я более русский идейно и политически, и нелепо выступаю, как миссионер в своем же полку (дожили!), несущий мировоззрение, требующий осознанной русскости по всем осям и четко отделяющий ее от обычной простонародности.»

Валентина Осанина — академична и замечает очень многое:

1. «Повествование в форме дневника захватывает читателя искренностью, чистотой молодого сердца, открытого и благородного, горячего и отзывчивого».

2. «Одним из достоинств повести является простонародная речь ее персонажей, свободная и живая».

3. «Сергей Иванович, имея за плечами опыт работы в городской гимназии, сразу же замечает отличие сельских детей от городских».

Не вспомнил никто про очень важное для автора — про появившихся в повести, словно из небытия, староверов: *«...Пройдет лет десять — в тайге одни староверы будут.»*

— Ну, значит, им нужней тайга! — сказал Слава.

— Да ладно, Вячеслав, — так же железно, угловато продолжал Женя, будто рельсину укладывал, — у тебя сколь детворы?

— Двое.

— Во. Двое. А у них по пять, а то и по десять. И каждому ись наа. Я грю, через десять лет вся тайга под ними будет. Хрен чо живое пробежит».

Стоит только представить, что на месте Сергея Ивановича вдруг оказался бы Дмитрий Быков! Преподавал бы он тот же самый русский язык и вроде бы ту же самую русскую литературу? Ту, да не ту.

В повести речь заходит о двух произведениях русской классики: «Тарас Бульба» Н. Гоголя и «Каштанка» А. Чехова. Что сказал бы про эти произведения упомянутый критик?

Вот несколько выдержек из Быкова:

О «Тарасе Бульбе»: *«Попытка интеллигента влюбиться в зверство...» «Это крушение мифа об отце, крушение патриархального мира. В этом мире по-настоящему восставший сын это, конечно, Андрий, который предпочел любовь. Но и Остап, который обречен, тоже наглядно показывает, что мир отца, мир прежних ценностей кончился. Пришло что-то другое. После «Тараса Бульбы» мир будет другим, в этом-то и ужас».*

А Тарковский вот что пишет: *«А я почему-то вспомнил детство, и как в классе все мальчишки, и я тоже, конечно, были за Остапа, а девочки — за Андрия. Сейчас, я уверяю вас, все точно так же! Но я хочу вспомнить одного человека. У нас в институте был преподаватель Евгений Николаевич Лебедев, великий знаток и ревнитель русской литературы. И вот у нас Гоголь, “Тарас Бульба”. И Андрий на стороне врагов, и идет бой... И Евгений Николаевич спрашивает нас:*

“Друзья мои, идет страшная битва. И с той стороны, и с другой падают убитые, и на нашей стороне рубятся козаки, рубится Остап, рубится обожаемый Гоголем Тарас, а со шляхетской стороны мчит с вражьим флагом не менее любимый Андрий — такое же дитя Тараса, как и Остап... Такая же кровинушка. Да... И понятно, где кто и за что кровинушку проливает... Но вот скажите вы мне, пожалуйста, а где Гоголь? Где в эти роковые минуты великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь?!”

Наши попытки жалких ответов не буду и приводить. Приведу слова нашего любимого преподавателя: *“А Гоголь, друзья мои, он, как птица, как чибис, степная чайка, с криком, со стоном мечется по-над полем битвы, меж Тарасом, Остапом и Андрием, и сердце Николая Васильевича разрывается на части, и нет и не будет этому огромному и навек подбитому сердцу ни покоя, ни пощады, ни облегчения!”».*

У одного про зверство, а у другого про сострадание! А вроде одни книги читали, и даже, по словам Высоцкого из «Баллады о Борьбе», должны были одинаково все понять:

Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал что почем, —
Значит, нужные книги ты в детстве читал!

Оказывается, просто читать даже умному человеку — мало... Надо еще сердцем читать научиться.

Быков о «Каштанке»: *«Основная стилистика российской власти на ближайшие несколько лет, кажется, определилась... Точней всего она описана у Чехова в «Каштанке»... Федюнька... мучил Каштанку только потому, что она его не слушалась. Об этом он догадывался правильно: при первой возможности она сбежала от дрессировщика и вернулась в свое естественное состояние».*

А вот как по Тарковскому. Ученик Коля, который в итоге спасет Сергея Ивановича, почти получил «двойку» за сочинение, списанное чуть ли не с лекций Быко-

ва: «...дура темная. Чо она к этому сиякя вернулась? Мало он ее метелил. Х-хе. Хотя хрен ли неясного: у клоуна пахать надо, а столяр и так накормит...» Но учитель предлагает ему написать сочинение на свободную тему: «Почему я люблю свою собаку». А собака у него, ой, какая вредная, столько в поселке всем крови перепортила, да и Сергею Ивановичу от нее досталось порядком.

Особого упоминания заслуживает разговор с педагогами о фильме про мучеников-воинов Фому Данилова и Евгения Родионова. Видимо, речь идет о программе из цикла исторических миниатюр «Русские герои». Коллеги Сергея Ивановича без колебаний назвали его «мракобесием».

Ф.М. Достоевский, данного определения не знавший, отдал в свое время воспоминаниям о воине-мученике Ф.Данилове третий раздел первой главы январского выпуска «Дневника писателя за 1877 год» («Фома Данилов, замученный русский герой»). Он назвал его подлинным образом и эмблемой той самой России, в которой *«циники и премудрые наши отрицают теперь великий дух и всякую возможность подъема и проявления великой мысли и великого чувства»*. Федор Михайлович с болью отметил равнодушное отношение общества и прессы к его духовному подвигу. Может, и потому многие десятилетия никто не знал (и не хотел знать) фамилию героя, потому что Данилов — это отчество: сын Данилы. Наричательное имя героя. Спустя годы краеведы дознаются, что фамилия его рода — Лотаревы.

Тема их подвига станет одной из центральной в дискуссии Сергея Ивановича и его коллег о необходимости воспитания в детях чувства патриотизма и любви к своей вере и истории. О корнях этой проблематики очень точно сказал Достоевский, отметив главную нашу интеллигентскую ошибку отстраненности, оторванности от коренного народного миропонимания. Из-за неискоренности этой ошибки и продолжаются беды России: *«Меня, например, прежде всего, удивляет, что не обнаружилось никакого удивления. Я не про народ говорю: там удивления и не надо, в нем удивления и не будет; поступок Фомы ему не может казаться необыкновенным, уже по одной великой вере народа в себя и в душу свою. Он отзовется на этот подвиг лишь великим чувством и великим умилением. Но случись подобный факт в Европе, то есть подобный факт проявления великого духа, у англичан, у французов, у немцев, и они наверно прокричали бы о нем на весь мир»*.

Тарковский вслед за Федором Михайловичем рождением этой темы в устах героя обозначил сердцевинное: *«Меня в этой передрыге больше всего интересует, что значит быть русским... и насколько я достоин этого звания»*.

* * *

Михаил Тарковский — непростой человек сегодня в русской литературе. И могли такой «непростой» написать просто рассказ-созерцание? Наверное, мог! Но видите мне иное: поставил автор своего Сережу нам в пример.

Разве был у нас в последние десятилетия деятельный герой из глубинки? Этакий «Герой своего времени», которого долго пытались найти столичные литераторы и литературоведы, да так и не нашли. Такой герой, что всякому другому фору даст?

Герой этот несколько идеален, конечно. Он — пример добра, равновесного духовного состояния, таланта, внутренней врожденной правды и веры, с многовековой болью за родную землю и счастьем жить на ней — той, какой ее даровал ему Господь!

Наш герой еще молод. Он разбрасывается мгновениями, еще позволяет себе

выждать минуту равновесия для чтения и записей в дневник. Но не разбрасывается своими и чужими жизненными ситуациями — запоминает, вспоминает при случае; новыми знаниями, взглядыванием в соседней — молодая память еще остра.

Если читать внимательно, то можно узнать, что герой наш учился в Литературном институте, и одним из преподавателей его был любимый всеми студентами Евгений Николаевич Лебедев (1941–1997). Так что он не педагог даже, он — писатель. А значит, почти полностью совпадает с автором. И невозможно отказать себе в удовольствии процитировать отрывочек, где герой, перефразируя слова Е. Лебедева о Гоголе, говорит сначала вроде о преподавании в школе, а потом сразу, без перехода — о современной литературе (о тех же быковых-пелевиных-улицких): *«Понимаете, надо учить детей видеть автора. Сейчас идет борьба не между книгой и всякими там... соблазнительными носителями, борьба между, скажем так, бумагой и электричеством, между... словом и цифрой, а борьба между книгой и огромным числом писанины, которая к литературе не имеет отношения. Потому что сейчас любая бывшая любодейка может написать “роман”, да еще и объявить на весь свет, что ее “книга имеет успех”, так как “хорошо продается”. Поэтому под угрозой сама репутация книги. А у ребенка отношение к книге, как к некоему неоспоримому и незыблемому явлению, как деревья там или горы. Ему не приходит в голову, что за книгой стоит такой же смертный человек, как и он сам. Только еще более сомневающийся. И старающийся помочь сквозь свои сомнения. И из ничего великим чудом, непомерным напряжением души созидаящий мир произведений... Еще вчера Андрея Болконского и княжны Марьи не было, а назавтра они появились и стали частью жизни. И все это автор, такой же живой человек. И ребенку ближе и понятней как раз образ живого человека. Поэтому только образ книги как предмета духовного созидания человека может помочь нам понять, заслуживает ли автор звания художника. Помочь отличить книгу от подделки. А для этого нам надо найти и увидеть этого автора. Пушкина, Батюшкова, Гоголя».*

Сергей Иванович явно не с голодухи приехал учительствовать в глубокую сибирскую деревенскую глушь. Он живет, будто по тезису другого писателя — вологжанина Дмитрия Ермакова, у которого в романе «Тень филина» есть слова: *«Добро — зло... Тире между ними — я. Перестать быть тире. Стать словом».*

Вот она, задача из задач для русского писателя: стать родным русским словом. И еще про это же из беседы Михаила Тарковского с Анатолием Байбородиным: *«Русский писатель — воспитатель детского сада, а читатели — дети; и в душе воспитателя тоже брань тьмы и света, но воспитатель, пусть даже умом приглушив сумрак своей души, будет учить детей лишь свету любви... если безбожный... то хотя бы любви к ближним».*

Только спешащему в столичной «деревеньке» по суетным делам читателю может показаться скучным разговор о долге и обязанностях педагога. В столицах на первом месте для преподавателя — приносить доход школе. Но важно понять, что речь здесь не столько о педагогике, сколько о писательском труде. Так в чем же эти «прямые обязанности» писателя? И являются ли они личным делом?

О, как точно замечено Тарковским: *«...общественные подлости происходят постепенно, будто каждый совершил только сотую часть предательства, но “всотнером” оно сложилось в нечто полное. Будто люди участвуют в этом каждый незаметным движением, но они суммируются, и эта объединенная, сплавленная из сотен уступочек неправда оказывается гораздо более ликующей, чем неправда отдельного человека».*

И получается, что эти обязательные к неправде люди начинают главенствовать и править, а потом, если чувствуют, что им волю не дают, в страсбургские суды обращаются и новым «всотнером» обязывают нас признать их неправду за правду

и истину в единственной ими придуманной инстанции, но «пир их неправедный, и время чумное».

Потому и рассуждения Тарковского не от «ума» и «обязанностей», а из опыта жизненного: *«Мне кажется, что мой уход в дальние места — это замах для мощного и неведомого броска, что откат для набора силы необходим, да и землю свою знать надо, коли наградил тебя Господь даром защитника. Картина-то жестокая, но я надеюсь на Бога и уверен в единственном: чем сильнее нас жмет миропорядок, тем негасимей очаги духовного сопротивления внутри России».*

* * *

Судя по фильму «Тарас Бульба» (2009), о котором упоминается как о премьере, над повестью автор работал не один год. И события в ней сжаты в кулак. Поэтому и темы, поднятые героями, особенно в застольных разговорах, не устарели. Да и как может устареть пресловутый русский вопрос о любви к Родине? И все же от слова «патриотизм» некоторые до сих пор кривятся.

Хорошим подспорьем сегодня для педагогов в школе стала бы эта книга. Если бы вместо циркуляров, а пусть даже с ними, сверху спускали разнарядку о чтении книги вслух на педсоветах или во внеурочные часы. А то наши «учителя» «прививают» любовь к Родине на примере произведений Солженицына или Венички Ерофеева.

Герой бесконфликтен. Почему он такой? Это кажется странным только сегодня, когда на каждом шагу ругань. А в сибирском поселке вокруг охотники-рыболовы (да их семьи) — люди суровые и закаленные не только тайгой и рекой, но и выпивкой. Но нет конфликтов в повести. Может, поселок за эту бесконфликтность и принял сразу учителя? Безотказен же он. В ночь-полночь позвони-попроси, тут же идет и делает. И даже в охотцу, как будто у него все получается, хотя иной раз и бурчит на мешающих его уединению односельчан...

Но так же, как поселковым жителям любого возраста от Середи, надо писателям и читателям чего-то и от Михаила Тарковского. А если всем чего-то от него надо, значит, и у меня такое же ожидание. Чего же я жду каждый раз от нового его произведения? Если коротко — узнавания в себе самого себя!

И вот это само-по-знание транслируется мне и другим читателям Тарковским через героя Нашего времени. А герой Нашего времени неожиданно необычен — это учитель в школе и писатель! Вот он — Герой и Маленький человек в одном «флаконе». Посмотрите, что думает Тарковский по этому поводу:

«Одной из вечных тем нашей литературы являются отношения государства и маленького человека. И даже возник некий пафос, как это государство давит, нобит маленького бесправного человека. Нынче, когда все встало на свои места и даже самый слепой видит, в каком вражьем кольце оказалась Россия, имеет ли право русский писатель выносить сор из избы, критиковать государство перед лицом этого врага, уподобляться «пятой колонне»? Тем более что само государство неоднородно, сложно, и в нем самом идет длительные противостояние. Государство, с одной стороны, уничтожает образование, а с другой — возвращает Крым, усиливает Дальневосточный форпост державы и укрепляет, как может, армию...»

Почему же он маленький? Тарковский в «Тойота-креста» на этот вопрос отвечает так: *«А ты знаешь, что нас с этой стороны Урала... не больше двадцати миллионов осталось? Всего-то навсего... Полторы Москвы... с очкурами... А народ все валит и валит отсюда».* Вот откуда появляется современный пресловутый «маленький человек», совсем незаметный из московского гигантизма...

Важно помнить при чтении, что Сергей Иванович не только педагог, не только тонкий филолог, писатель, а еще и верующий человек. Это его главная отличительная черта. Перед нами молодой, умный, образованный, думающий православный христианин. И мысли другого героя Тарковского, Жени из «Тойота-креста», несомненно, дополняют и расширяют понимание Сергея Ивановича: *«Он попытался вспомнить все плохое, стыдное в жизни, но оно вдруг стало бесцветным и жалким. Он стал думать о хорошем и вспоминать то ощущение силы, вечности, власти над пространством, которое испытывал в трудовом упоении или в дороге... — в такие минуты он не боялся ни боли, ни смерти, считая, что власть эта так же мощно перенесет его за пределы земной жизни... Еще было дико желание жить и все озарялось бы необыкновенной ясностью. Было страшно. И жалок он был сам себе. И умолял Бога ниспослать силы на молитву, но ничего не получалось, и слова звучали неумело и неискренне. И он ощутил себя недостойным даже смерти и спрашивал, почему так вышло, ибо считал себя далеко не последним человеком на земле. И просил Бога дать срок, чтобы найти выход».*

С мыслями-обращениями: «дать срок, чтобы найти выход» — чаще всего и выживают в самых сложных жизненных ситуациях. И тут опять, как черт из табакерки, появляется Дм. Быков, заявляющий, что «первым плутовским романом в истории человечества было Евангелие. Христос — это тоже трикстер, великий шутник, который ходит по воде, превращает воду в вино, говорит притчами (говорит мало, но смачно)...» Это соображение явно противоречит жизненной сущности Тарковского, который очень хорошо знает про Бога: под Богом выживают совсем не по правилам Быкова.

Когда читаешь вот эти строки, что-то еще всплывает в памяти:

«А теперь пошли домой, свечку зажжем... А за окном пусть бушует ненастье. Да. А сейчас ты дело одно сделаешь! Какое? Читай: “Перед началом всякого дела”. Читай. Ну...

“Господи, Иисусе Христе, Сыне Единородный Безначального Твоего Отца, Ты рекл еси пречистыми усты Твоими: яко без Мене не можете творити ничесоже. Господи мой, Господи, верою объем в души моей и сердце Тобою реченная, припадаю Твоей благодати: помози ми, грешному сие дело, мною начинаемое, о Тебе Самом совершити, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь”.

Так. А теперь повторяй. Громко и четко:

— Я

люблю

этот

народ,

какой он ни есть, зрячий и слепый, пьяный и трезвый, безбожный и праведный, драный и сытый, читающий и пьющий, геройский и равнодушный, молящийся и богохульствующий, стоящий насмерть под пулями и позарившийся на бранные блага, предающий друг друга за кусок хлеба и ныряющий за брата в гущу ледяную и огневую! Дай мне сил на это, Господи Иисусе Христе, Мати Пресвятая Богородице, Ангеле Хранителе мой Святой Преподобный Сергей! Это и есть моя честь и слава в тяжелейшее время для моего народа, обезволенного и поглупевшего, готового в тоске на любую кость кинуться! В роковое это время дана мне милость служить ему, воевать за него вместе с теми малыыми силами, которые еще способны на войну, и драться неистово и до конца дней своих и, если надо, положить жизнь! Дай мне, Господи, терпения стряхнуть с очес пелену невежества моего. Ибо я самый последний, грешный, безвольный, а главное — самолюбивый червь».

Вспомнили, наконец?

«А теперь громко и четко:

— Я

могу

говорить!»

Правильно! Так начинается фильм «Зеркало» Андрея Тарковского.

А это герой перед «зеркалом», которое бабушка его называла «дивильце»:

«Интересно наблюдать за собой. Вроде сознательный человек, а внутри будто сидит кто-то серый. Практичный, животный, который, чуть что, как пролитая вода, стремится занять место на плоскости, где попокатей. И если его не осаживать, опозорит так, что не отмоешься. Меня и раньше расстраивали эти тельные, подобные мышечному электричеству, судороги — казалось, у меня не может быть черт, которые презираю в других. Гордыня крайнейшая! Потому что главное не то, какие качества тебе дадены, а как ты Божьему в себе помогаешь. Хотя все от обстоятельств зависит: бывает, пока один, еще справляешься, а как с людьми захлестнешься, так все Божье куда-то делось, а одна гордыня и вылезла. Видно, я чего-то главного не понимаю, не знаю, например, где настоять, где уступить и от этого мучаюсь.

Хотя точно знаю, что и в силе слабость бывает, и в слабине — сила. А сам иногда уступаю вроде, а от уступки мне подпитка: раз другому прибавка, и я как бы при ней».

Такая внутренняя наблюдательность порождает вполне естественную раздвоенность героя: «Это мое раздвоение, одновременное и неожиданное сосуществование Сережи и Сергей Ивановича. Сосуществование довольно странное, поскольку люди они очень разные и по характеру, и по складу мысли, и даже по манере разговора».

А русофобски настроенный психолог сразу поставит диагноз такому герою. И на этом будет весь сказ его.

* * *

Вглядимся в главного героя повести: Скурихин Сергей Иванович.

Что означает его фамилия?

1. Образована она от прозвища *Скуриха*. В основе прозвища лежит слово «скура» — шкура, грубая кожа. Возможно, прозвище было связано с ремеслом. Предок, его получивший, мог заниматься выделкой кожи.

2. Родовое занятие — *скурити* — накурить вина, после чего последствия, данные в прозвищах.

3. По Далю, близок и глагол *скуридить* — тосковать, стонать, охать...

Если учесть, что герой наш обладает истинно русской страдающей, болеющей за весь мир и ближних душой, то последнее толкование может показаться наиболее подходящим. О чем же он «стонает и охает»? Да по всему нашему русскому миру... заглушаемому цивилизацией. И тяга Серегина на дальнее озерцо — так только, полюбоваться — совсем не понятна местным мужикам. Как он ни объясняет ее одной любовью к природе («ближе к зиме я на выходные схожу туда, ну, для души... просто»), а все равно Мотя не верит ему и думает, что на соболя он собрался.

Тяга эта, по сути своей, городская. А Серега такой и есть. Очень хорошо эта тяга передана в повестях «Дом в деревне» и «Падчевары» у Алексея Варламова, когда главный герой пытается до моря через леса и болота добраться. И говорят ему, что невозможно, а все же не может он через свою хотелку переступить.

У Сергея так же: «Представляю берег, идущий в какой-то счастливой расте-

раянность снега, и я бреду с ружьем по обледенелому галечнику. Потом поднимаюсь на гору сквозь тальники и чернолесье и вижу среди густых, высоких и остроконечных пихт озеро. И я плыву по озеру на ветке, долбленной лодке, по черной предзимней воде, и медленно-медленно падает снег, огромные, как созвездия, плоские снежинки... Они встречаются со своими отражениями и сами в себя проваливаются, сходят на нет, самопоглощаются и множатся, множатся вокруг тысячами соединений-исчезновений».

И тянет его на озеро, словно в сказке — к водиче живой и мертвой. Чтобы земля через него говорить начала, как через мужиков соседских, шагающих в солгаре и пыли. Чтобы перестать кричать им вслед: «Я тоже ваш... не отгоняйте меня!»

И все же первое толкование фамилии, пожалуй, основополагающее. Чем, как не выделкой «кожи», занимается Скурихин Сергей Иванович? С поистине скорняжным усердием доводит до чувственного совершенства задубелую современную кожицу души. В переносном, конечно, смысле, выделывает. По жизни-то кожа его тела как раз дубеет — жизнь лесная и речная на природе другого не подразумевает. А вот душевная оболочка размягчается, каждой своей порой начинает впитывать природную земную и человеческую благодать бытия.

Может, и в подтверждение этого смысла в расшифровке фамилии Сергея автор приводит диалог с Эдиком. Этот сосед-чудик говорит о «времени», называя его «сыромьятиной». Тарковский же героя фамильно-потомственным скорняком сделал, только в переносном смысле — не только себя он выделывать может, но и время, в котором живет. Иначе оно, время-сыромьятина, скукожиться может. И тогда какая жизнь? И получается, что Скурихин Сергей Иванович — не просто Герой Времени, но еще и творец его. А поскольку он живет рядом с нами, то речь о Нашем времени.

Прочитируем этот фрагмент полностью, настолько он важен:

«Вот чо такое время?»

— Ну... субстанция... — ответил Сережа, которому не хотелось думать.

— Вот и я говорю — суп с танцами. Не пойми чо. Кусок сыромьятины. Намолил — тянется, нагрел — съезжилось. Как визига сушеная... Ладно, пойду, выздоравливай.

«Нагрел — съезжилось, — в каком-то просветлении писал Сережа в дневнике. — Прямо как у Каратаева про счастье... Та же интонация... Откуда? Откуда?! Откуда и куда? Ведь столько лет прошло... А оно действительно сжимается, когда тепло на душе. А когда тоскливо — тянется».

* * *

Время... Жизнь в повести датирована. В основном по старинке, если так можно сказать, по церковному календарю живет герой. Хотя первая появляющаяся дата хозяйственная — 1 сентября, начало учебного года. Несчастье — перевернутая лодка и угроза потонуть, случается с ним в день памяти Сергия Радонежского — 8 октября (25 сентября ст.ст.). В повести этот день выпадает на пятницу. Если посмотреть по календарю, пятницей день этот был в 2005 и 2011 годах. 2011-й наиболее подходит нам! А десятая, финальная глава начинается в Покров — 14 октября.

География... Действие происходит где-то недалеко от Минусинска на берегах Енисея.

Годы написания закреплены еще и выходом в свет фильмов «Тарас Бульба» (2009) и программы о воинах-мучениках Фоме Данилове и Евгении Родионове (январь 2016).

Вот еще отсылка с точной датировкой: «Ну, если человек, готовивший учеб-

ную программу по литературе, заявил в интервью, что дети должны быть “умеренно образованы по ничтожному патриотически воспитаны”? Это цитата из интервью «Голосу Америки» Б. Ланина, руководителя Лаборатории дидактики литературы Института содержания и методов обучения Российской академии образования. А опубликована цитата на всю нашу страну в «Российской газете» (№ 5991, федеральный выпуск) 25 января 2013 года.

Таким образом, мы можем уложить действие повести в сентябрь — середина октября, но вот с годами будет настоящая «машина времени», потому что действие по годам — это пятилетка с 2011 по 2016 год, и сжато все это Тарковским в одну осень. Всех дней-то получается сорок четыре!

А почему же такое название у повести, которую в одном из интервью автор называл во время работы рассказом? К чему или к кому относится это выражение «Полет совы»? Сова — ночная хищная птица. Хозяйка тьмы. Как ни фантазмагорична эта мысль, но подкрепляется она самим текстом повести и такими, например, словами из той же беседы с Анатолием Байбородиныным: *«Когда обезбоженные европейцы и американцы запойно читали Федора Достоевского, узрев в нем гениального психолога, то жестоко ошибались; не психолог Федор Михайлович, но великий православный душеписатель, глубже и вернее всех постигший, что если типичная русская душа — поле яростной брани света и тьмы, то типичная европейская душа — сытая тьма».*

О подобной «тьме и ночи» старовер говорит: «Срамота». Сове в такой «сытой тьме» самое место! В мире русском — мире борьбы тьмы и света полет этот существует лишь как поэтический образ, позволяющий понять наличие рядом с нами «осовевших» персонажей. И все же эта версия ошибочна.

Сова в повести, на мой взгляд, — символ света и надежды. Хотя бы потому, что появляется она на Покров. В первый день, когда только-только *«отошла тягота телесная» «на рассвете Сережа вышел... Все было в снегу... Черно-белое, удивительно аскетичное... Храбрый лаял в угол забора, где барахталась что-то белопестрое. Сережа подошел к сетке, которой был обтянут забор. Под ней в самом низу в бурьяне запуталась полярная сова. Сова снова затрепыхалась, раскинув крылья, беспомощно распласталась, упала ничком и, повернув голову, раскрыла клюв. Он попробовал ее взять: она оказалась очень легкая и такая мягкая, что рука провалилась.*

— Ну, тихо, тихо, хорошая! Сейчас! Тичас! Тичас... — он так и приговаривал, — тичас...

Больше всего Сережа боялся, чтобы она ничего себе не повредила. *«Они же последними откочевывают, за ними только кречеты. Они уже летят всюю. Ей давно пора. Наверно, ослабла. Хватит сил-то? Сейчас попробую подбросить, только очень аккуратно надо».* Но, видя, какая она воздушная, — сплошной прибор для опоры о небо! — очень боялся повредить о воздух, который может оказаться слишком твердым. Боялся, что сломает ее, сложит, всю состоящую из крыльев. Что их вывернет, выломает из ослабших мышц, настолько они большие и тонкие в управлении... И бессильные, как все полетное, которое на земле только на растяжках и выживает, если шквал.

Но и слабо кинуть нельзя, надо как можно выше, чтоб удержалась, вскарабкалась... Чтобы, если сорвется, успела все-таки вцепиться в синеву, сизоту. А небо поможет. Но как же кинуть, чтоб ее не смяло, — такую невесомую, мягкую?

Сережа взял сову двумя руками аккуратным кольцом, уложив, поправив крылья, убедившись, что лежат верно и, заведя из-под низу, изо всех сил кинул в прекрасное сине-сизое небо. Он не успел разглядеть, как именно она летела: сову буквально вложило в небо. Она с ним совпала. Она легла в него с полнейшей мгновенностью, безо всякой запинки.

Никакого сбоя не случилось, но удар, встряска все-таки были, и мир содрогнулся и замер на мгновенье, но не в небе, а в нем самом. Сережа ждал, что в нем все будет ровно, как по нитке, а птица оступится, сорвется, черпанет крылами воздух, просядет хоть на долю пространства. Он настолько приготовился к этой ступеньке, вздрогну, что, когда она встала на место с вещей легкостью, в его душе что-то оступилось. Этой отдачей его буквально шатнуло, и он замер, замороженный, а потом вышел на высокий угор и несколько минут смотрел в даль, где завязывался ветерок, и с юга белое снежное полотно нависло над водой линейчато ровно, и вода была особенно серо-свинцовая... Пошел снег...»

Вот так же, я уверен, чуть позже, когда будут у него дети, возьмет Серега двумя руками с небывалой, незнаемой дотоле нежностью сына или дочь и подкинет до самого неба. А счастливый смех и взвизг напомнят ему давнишнюю историю с отпущенной в полет совой.

Уж не так ли и Россия ждет, когда дадут ей встать на крыло, чтобы сама она выправила свой полет? Лишь бы не мешали...

